

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Д. Я. РЕЗУН

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
СИБИРСКОГО
ГОРОДА
XVII! век

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
О. Н. В и л к о в

НИЖНЕВАРТОВСКАЯ

ЦБС фх- /,

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

деревянного и каменного зодчества. Именно в работах этого периода прозвучали первые аргументы и возражения сторонников двух принципов организации городского пространства — «регулярности» и «живописности» сибирских городов XVII в.³¹ При этом если А. В. Бунин, а еще в большей степени А. М. Тверской считали, что для городской застройки было характерно диалектическое сочетание, в зависимости от географических и исторических условий, «регулярности» и «живописности», то В. А. Шквариков преобладающим принципом градостроительства XVI—XVII вв. называл «живописность» сибирских городов³². Однако последующие исследователи, например Г. В. Алферова³³, слишком развели между собой эти две точки зрения, и, думается, ближе к истине О. Н. Вилков, показавший, что обе концепции существовали одновременно и переплетались друг с другом³⁴.

В 1940—1950-е гг. рождается также памятниковедческое направление в изучении города как комплексного памятника истории и культуры прошлого. Первые попытки подобных исследований делались еще в 20—30-е гг. Начавшиеся в 60-е гг. работы по созданию серии «Советский Союз», затем по Своду памятников истории и культуры народов СССР, а также возобновившиеся исследования истории городов и сел, заводов и фабрик дали новый импульс этому направлению.

Развитие памятниковедческого направления — достаточно сложное дело. Здесь требуется органическое сочетание данных и методов различных дисциплин — истории, экономгеографии, архитектуры, искусствоведения, социологии, культуроведения и т. д. Уровень развития науки послевоенного времени еще не мог обеспечить такого соединения, поэтому работы напоминают либо сугубо исторические исследования, либо архитектурные очерки. Из таких работ следует выделить книги Ф. А. Кудрявцева «Исторические памятники Иркутской области» (Иркутск, 1949), А. И. Попова «Томск» (М., 1959), И. Лясоцкого «Прошлое Томска» (Томск, 1952), П. Бородавкина «Исторические рассказы о Барнауле» (Барнаул, 1963), М. К. Одинцовой «Из истории русского деревянно-

го зодчества в Восточной Сибири (XVII век)» (Иркутск, 1958), В. Ф. Ретунского «Памятники Тобольска и его окрестностей» (Тюмень, 1960), Л. М. Мартынова «Повесть о Тобольском воеводстве» (Омск, 1954), а также ряд статей³⁵. Выдающаяся роль в формировании этого направления принадлежит В. И. Кочедамову³⁶.

Говоря об исторической урбанистике 1950-х гг., нельзя не сказать об общих работах по истории ряда регионов Сибири, где городская тема, не будучи главной, все же получила достаточно отчетливое отражение. Одной из таких работ является двухтомное исследование В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (Иркутск, 1949—1957). На его страницах приведено немало новых интересных данных о времени и обстоятельствах возникновения городов и острогов в этом регионе, о материальной культуре и строительстве их, населении, экономике и классовой борьбе. Однако основное внимание автора в силу господствовавшей тогда концепции было обращено на деревню, на крестьянство; город же в основном рассматривался как военно-административный центр. Все развитие товарно-денежных отношений, по мысли автора, проходило через деревню. Культурное значение книг Шерстобоева огромно: уже в 1980-е гг. во время экспедиций приходилось убеждаться в том, что книги его хранились и читались во многих крестьянских семьях Илимского края³⁷.

Нарастание интереса к сибирскому городу как центру ремесленного производства и торговли было общим моментом развития отечественной историографии. Значительным явлением в науке стало появление работ М. Н. Тихомирова и А. М. Сахарова³⁸. Тем не менее сибиреведение еще не имело общей концепции истории возникновения и развития сибирских городов, их функциональности, роли и значения в ходе колонизации Сибири. Старая теория П. М. Головачева была отброшена, а новая только что возникла. Эту задачу попытался решить В. И. Сергеев, создав свою схему возникновения и первых шагов развития городов Сибири как последовательных, сменяющих друг друга ступеней социально-экономиче-

ской истории»³⁹. Он считал, что «в начальном развитии сибирских городов-острогов можно наблюдать три ступени... Первоначально город-острог — военная крепость, затем — торговый центр и, наконец, город как центр развития торговли, определенных промыслов, ремесел, центр сельскохозяйственной округи». Конечно, не все города-остроги прошли эти три ступени развития; экономикогеографические и исторические обстоятельства наложили существенный отпечаток на их развитие⁴⁰. В. И. Сергеев обратил внимание на то, что «если обычно в феодальном городе необходимой предпосылкой развития торговли должно служить развитие ремесел... то в сибирских городах в силу особенных условий их возникновения происходит сосредоточение торговли, возникавшей первоначально лишь на базе специфически негородского промысла пушники», а «затем уже следует развитие некоторых видов промыслов в городах преимущественно среди различных "государевых" служилых людей — основной части городского населения» и поэтому, мол, «возникающие на базе развития промыслов и отчасти ремесел экономические отношения скрыты в городах военно-административными, служебными отношениями». Автор считал, что «первоначальная военная организация городских поселений... неизбежно тормозит развитие городской жизни» и «только с распространением земледельческого сельского хозяйства в последующие десятилетия расширяется база для торгового обмена — у городов начинает возникать сельскохозяйственная округа»⁴¹. Данная теория была заметным вкладом в сибирскую урбанистику.

Нет возможности перечислить все работы второго периода, но о некоторых нужно сказать особо. В первую очередь об оригинальных исследованиях З. Я. Бояршиновой по истории города Томска XVII в.⁴² Ею были изучены многие вопросы истории города с привлечением широкой источниковой базы. В первой работе, посвященной этой теме, Бояршинова пришла к выводу, что основание города было связано не с одной какой-то причиной, а с суммой обстоятельств. С первых же лет существования Томска в нем развивается земледелие, ко-

торое становится одним из основных занятий горожан; определенную роль в хозяйственной жизни играют различные кустарные промыслы и ремесла, но развитие их не следует преувеличивать; торгово-денежные отношения только начинают развиваться, и хозяйство русских поселенцев в своей основе продолжает оставаться «натурально-замкнутым»; невелики также размеры хлебной торговли, причем сбыт в основном идет среди городского населения⁴³. Эти же выводы были повторены автором и в последующих работах по истории Томска в XVII в. и в целом положительно оценены в нашей историографии⁴⁴. Присоединяясь к этой оценке, следует выделить одну важную особенность теоретических построений З. Я. Бояршиновой: вопреки своим теоретическим установкам, она на фактах наглядно показала, что аграрная функция сибирского «пашенного» города не вторична, а первична и следует не после торговой, а перед ней. Однако причины, которые побуждали русских людей, например служилых, заниматься земледелием, автор объясняет действием «вынужденных» факторов: «необеспеченность продовольствием, низкие оклады и неаккуратная выплата хлебного жалованья вынуждали служилых людей заниматься хлебопашеством»⁴⁵. При этом размерах и размерах служилого земледелия занижались, и главными производителями хлеба автор бездоказательно, по мнению Н. И. Никитина, называет томских крестьян⁴⁶.

Дело в том, что и эта работа — одна из лучших в исторической науке 50-х гг. — несла на себе зримый отпечаток теоретических и политических воззрений тех лет, когда в основу конкретного исследования бралось указание о том, что «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям "завоевателей" и "покорителей" государств, а должна прежде всего заниматься историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»⁴⁷. Такое понимание истории применительно к рассматриваемой теме практически выводило служилых людей как государевых слуг из

числа горожан, очень мало внимания уделялось им как активным торгово-промышленным слоям населения. Основными производителями материальных благ признавались прежде всего посадские и крестьяне. И естественно, что для разработки истории сибирского города, где почти до конца XVII в. численность посадских и крестьян была меньше, чем служилых, это затрудняло научное изучение проблемы. Но в целом, говоря о работах З. Я. Бояршиновой, следует согласиться с Н. Н. Покровским, который считает ее труды примером того, «как много и в самые трудные для извлечения объективной исторической истины времена зависело от личности ученого, его научной порядочности»^{4**}.

Другой вариант развития сибирского города был рассмотрен Ф. Г. Сафроновым, монографическое исследование которого о Якутске до сих пор не потеряло своего значения^{4^}. Автор сумел показать, что хозяйственное значение города не всегда определялось его посадом, развитием самой городской экономики, для «непашенных» городов такое основополагающее значение могли иметь сам административный статус поселения и его транзитные, торгово-распорядительные функции. Так на конкретном материале были подтверждены мысли Р. М. Кабо о географическом районировании и функциональности сибирских городов.

Важные выводы по истории городских поселений Прибайкалья и Забайкалья содержались в работах О. И. Кашик и М. К. Одинцовой⁵⁰. Рассмотрев значительный новый архивный материал, исследователи пришли к выводам, что в конце XVII в. резко возрастали таможенные сборы Нерчинска и Иркутска, «более четко обозначились главные центры местной торговли, стали постоянными межгородские связи в пределах Сибири», а состав торгующих «расширялся за счет местных служилых и посадских людей»⁵¹.

Названные выше работы с точки зрения фактологии, а также в определенном теоретическом плане продвинули вперед сибирскую историческую урбанистику. Для большинства же работ 1950—1960-х гг. были характерны два момента.

Первый из них заключался в преувеличении крепостнической зависимости сибиряков, в пристальном внимании к истории земледельческого освоения Сибири, к истории крестьянства. При этом проблема города как аграрного центра нередко выпадала из поля зрения исследователей. Другой момент, на мой взгляд, заключается в том, что данные таможенных книг использовались в малом объеме, без системы и сравнений, поэтому полной картины еще не могло сложиться. Авторы второго тома «Истории Сибири» (Л., 1968), например, вообще обошлись без параграфа о городах Сибири XVII в.

Отношение большинства исследователей к литературе XVIII в. носило прагматический характер, причем использовались в основном опубликованные работы, большой массив рукописной литературы оставался практически не известным авторам. В теоретико-методологическом плане Г. Ф. Миллер и особенно И. Е. Фишер в основном порицались как апологеты «военной колонизации», официального взгляда на историю Сибири.

Определенным «прорывом» в сибирской исторической урбанистике была публикация в 1950-х гг. творческого наследия С. В. Бахрушина, особенно его монографии о Красноярском уезде XVII в.⁵² Эта работа, написанная еще в 30—40-е гг., но опубликованная только в 1959 г., по своему духу явилась как бы предвестником нового периода в урбанистике.

Завершая обзор второго периода, нельзя не сказать и об освещении по сути дела новых сюжетов — городских восстаний. Они находят отражение в упоминавшихся работах З. Я. Бояршиновой, Ф. Г. Сафронова, С. В. Бахрушина, как самостоятельный исторический сюжет поднимаются в исследованиях В. А. Александрова, В. С. Флерова и некоторых других⁵³.

С середины 1960-х гг., на мой взгляд, начинается третий период развития сибирской урбанистики. Историки признают, что помимо изучения проблем заселения и демографии существуют «еще специальные городские явления, которые и делают необходимым самостоятельное рассмотрение городского

населения»⁵⁴. Нам приходилось уже высказываться об этом периоде⁵⁵, поэтому остановимся только на некоторых существенных моментах.

Прежде всего отметим значительное расширение источниковой базы. Более полно и глубоко стали привлекаться сибирские таможенные книги, что достаточно ярко проявилось в работах О. Н. Вилкова, В. Н. Курилова, А. А. Люцидарской, Н. И. Никитина, Г. А. Леонтьевой, Т. Н. Квещинской и др.⁵⁶ Появляются публикации новых документальных источников по истории городов Сибири⁵⁷, налаживается издание сериала сборников, посвященных проблемам сибирских городов конца XVI — начала XX в.⁵⁸ Многие дала для расширения источниковой базы и археология. Уникальные материалы получены при археологических раскопках в сибирских городах Мангазее, Илимске и Зашиверске⁵⁹. В целом археологические работы в этих городских поселениях показали, что даже в суровых условиях русские города были многофункциональны⁶⁰ и выделение для них и подобных им поселений каких-то особых «пушnodобывающих» и «пушномобилизующих» функций нельзя считать правильным, ибо само по себе развитие пушных промыслов напрямую не связано с функционированием городских сфер экономики и культуры. «Даже в истории промыслового освоения Северной Канады многочисленные торговые фактории в большинстве своем не сыграли градообразующей роли»⁶¹.

Значительно расширяется круг использованных письменных источников. Издаются сборники новых документальных материалов: «Русско-монгольские отношения. 1636—1654». (М., 1974), «Русско-китайские отношения в XVII веке» (М., 1969—1972.— Т. 1, 2).

Продолжая лучшие традиции дореволюционного городождения, Г. Ф. Быконя и Л. П. Шорохов издают с обстоятельными и интересными комментариями двухтомный сборник документальных материалов по истории Красноярска XVII — первой половины XIX в. (Город у Красного Яра.— Красноярск, 1981.— Т. 1; 1986.— Т. 2). Шире начинают привле-

каться и издаваться различные письменные источники, которые хотя и были раньше известны, но использовались крайне слабо,— это историко-географические и топографические описания городов и уездов Сибири XVII в. И здесь нельзя не отметить упоминавшиеся выше исследования М. М. Громыко (1965), Г. Ф. Быкони (1981), Н. А. Миненко (1975) и др.

Меняется в целом и отношение к историографии XVIII в. Все чаще исследователи отходят от отношения к Г. Ф. Миллеру и другим историкам XVIII в. как «апологетам самодержавия», «колониальной эксплуатации» народов Сибири. Серьезным научно-организационным фактором, позволившим усилить разработку проблем сибирского городождения, явилось издание сериала тематических сборников по истории городов Сибири конца XVI — начала XX в. под редакцией О. Н. Вилкова. Всего выпущено восемь сборников. Редакционный коллектив сумел привлечь к этому изданию многих авторов, занимающихся проблемами городождения.

Изменился и теоретический уровень изучения истории городов Сибири XVII в. В рамках концепции «раннего капитализма», которая была сформулирована А. А. Преображенским в монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI— начале XVIII в.» (1972), складывается понимание того, что и сибирский город следует рассматривать как центр промышленности, ремесла и торговли. В монографии О. Н. Вилкова «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке» (М., 1967), основанной на сплошном анализе таможенных книг, убедительно показан высоко поднявшийся уровень развития ремесла, промышленности и торговли в сибирских городах, на примере Тобольска сделан обоснованный вывод о том, что сибирский город, возникнув как военная крепость, за короткий исторический срок по уровню хозяйственного развития смог догнать некоторые старорусские города.

Однако, несмотря на это, продолжают функционировать представления о городах Сибири как «больших деревнях», где основным занятием горожан было сельское хозяйство, а городская экономика в целом носила натуральный характер.

Рецензенты

кандидат исторических наук Л. И. Дремова, В. Н. Курчлов

Утверждено к печати

Институтом истории, филологии и философии
СО АН СССР

Резун Д. Я.

Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1991.— 209 с. ISBN 5—02—029646—5.

В монографии дана оценка взглядам на историю возникновения и развития сибирских городов в XVII—XVIII вв., существовавшим в русской исторической литературе. Исследование построено на анализе опубликованных работ Г. Ф. Миллера, его неопубликованных архивных материалов, а также топографических описаний Тобольского, Иркутского и Пермского наместничеств 1784—1795 гг. и первых русских историко-географических словарей. Впервые введен в научный оборот ряд новых архивных рукописных источников, дан источниковедческий и историографический анализ исторической литературы о сибирском городе.

Книга рассчитана на историков, краеведов.

полугодие

ББК 63.3(2)46

ISBN 5—02—029646—5

© Издательство «Наука», 1991.¹

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является логическим продолжением нашего первого исследования¹, которое заканчивалось анализом различных городских летописцев начала XVIII в. В настоящей работе история сибирской исторической урбанистики начинается уже с Г. Ф. Миллера.

Восемнадцатый век по праву занимает особое, выдающееся место в истории не только русской науки, но и русской культуры. Именно в это время зарождается, по-видимому, осознанное социальное чувство города, городского образа жизни как весьма специфического общественного настроения, противоположного восприятию деревни как тихой, безмятежной пасторали. Недаром приятель А. Н. Радишева, господин Ч., встретившись с писателем на почтовой станции в Чудове, принял твердое решение: «Теперь прошусь я с городом навеки. Не въеду никогда в сие жилище тигров. Единое их веселie грызть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и раболепствовать власти...»²

Наш интерес к восемнадцатому веку объясняется тем, что в это время появляются первые общие и частные концепции по истории Сибири и ее городов. Исследования XIX в. в большинстве своем базируются не только на тех же архивных богатствах, которые были собраны и введены в научный оборот в XVIII в., но и нередко на тех же теоретических основаниях, которые были впервые разработаны писателями прошлого. У писателей XVIII в., как правильно заметил М. Ю. Лотман, еще не было опущения того трагического разлада между государственными и общественными нуждами, который стал проявляться в творчестве писателей и ученых после 1825 г. Поэтому «казенный интерес» — сбор сведений на различные анкеты государственных ведомств — органично сочетался с

Эту антитезу города — деревни пытался решить В. М. Сергеев в начале 1960-х гг., выдвинув идею об этапах развития сибирского города. Новый фактический материал по этой проблеме и теоретические выводы были приведены в ряде работ конца 60-х — начала 70-х гг. В статьях О. Н. Вилкова поставлен вопрос об экономических связях сибирского города со своей округой, показана роль Тобольска как аграрного рынка, сделан вывод о том, что земледельческие занятия горожан и окрестных крестьян являются следствием не слабого развития товарно-денежных отношений, а, наоборот, интенсивного развития капиталистических отношений⁶². В. Н. Куриловым, в свою очередь, на примере Тюмени было показано, что разрывать между собой аграрный и промышленный секторы городской экономики нельзя, что именно первый закладывает основы для роста промышленности и торговли и что с самого начала в «пашенных» городах аграрный сектор нацелен скорее не на натуральный обмен, а на куплю и продажу, на рынок⁶³. Естественно, что встал вопрос о носителях этой торгово-промышленной функции — о городском населении. О. Н. Вилков, В. Н. Курилов, А. Л. Люцидарская считали, что таким «буржуазным» городским населением в условиях малочисленности сибирского посада в ряде городов Сибири были служилые люди. К подобным выводам, хотя с рядом уточнений и дополнений, пришли также Н. И. Никитин, Г. А. Леонтьева, Г. А. Христосенко⁶⁴.

Однако данная точка зрения встретила возражения у ряда исследователей, занимавшихся в основном историей XVIII—XIX вв. Н. А. Миненко было высказано сомнение в далеко зашедшем уровне развития ремесла, торговли и промышленности городов Сибири XVII в.: «Таким образом, на примере первых городов на территории Барабы и Новосибирского Приобья видно, насколько еще схожими в социально-экономическом отношении оказались город и деревня в феодальной Сибири»⁶⁵. Более развернуто в историографическом плане эта критика была изложена в монографии 1984 г. Разобрав основные положения концепции О. Н. Вилкова и его сторон-

ников, Н. А. Миненко напомнила, что «тесная связь города с хлебопашеством свидетельствует о его неразвитости, о том, что данный город еще не стал таковым в собственном значении этого слова». И далее автор напоминает, что «классики марксизма указывали, что город есть результат отделения промышленности и торговли от земледелия». Поэтому «концепцию О. Н. Вилкова и его последователей характеризует внутренняя противоречивость»⁶⁶.

Признавая за каждым исследователем право на свою точку зрения, замечу, что критика Н. А. Миненко носит позитивный характер в том плане, что указывает на слабое место концепции ее оппонентов — отсутствие широких историко-сравнительных параллелей, без которых тезис о развитии буржуазных отношений в колонизируемой Сибири XVII в. трудно воспринимался. Однако утверждения О. Н. Вилкова об аграрном типе города в Сибири как об одной из моделей структуры сибирского города не лишены основания⁶⁷. Об этом говорили Л. В. Милов, П. Г. Рындзюнский, З. Ю. Копысский⁶⁸ и многие другие, о точке зрения которых, к слову сказать, Н. А. Миненко и не упоминает. Даже Я. Е. Водарский, склонный скорее отодвигать город от деревни, чем сближать их, вынужден признать, что те поселения, где жившие там «служилые люди занимались торгами и промыслами», «должны быть признаны торгово-промышленными поселениями». При этом следует четко учитывать долю служилых, занимавшихся такой деятельностью в городах⁶⁹. Сибирская урбанистика это последнее учитывает.

Н. А. Миненко считает, что критически подойти к точке зрения О. Н. Вилкова заставляют также некоторые выводы, полученные авторами, придерживающимися иной точки зрения, и в качестве примера ссылается на работы Д. И. Копылова, изучавшего проблемы городской экономики XVIII в.⁷⁰ Данное представление характерно для состояния науки 1970—1980-х гг., когда в головах многих из нас господствовал принцип «остаточного» развития в науке: раз в XVII в. есть какие-то зачатки капитализма и тем более результаты,

то они должны быть ярко видны уже в XVIII—XIX вв. Идея поступательного развития истории здесь трактовалась как некое механическое движение, при этом забывалось о том, что история имеет свои отступления и зигзаги и далеко не обязательно явление, зародившееся в XVII в., должно процветать в последующее время. Качественная грань в снижении экономического потенциала Сибири XVIII в. обходилась стороной. Кроме того, рассуждая -о значимости тех или иных факторов в процессе горообразование, о критериях понятия «город», нельзя забывать о жизненных реалиях прошлого, о чем хорошо напомнил Б. И. Миронов⁷¹.

Итак, третий период развития сибирской исторической урбанистики подошел к своему логическому концу. На повестке дня — задача перехода к следующему этапу. На основе новых социально-экономических и политологических разработок с использованием компьютеров и современных машинно-вычислительных методов, новых теоретических положений современной урбанистики (ибо нельзя уже более игнорировать современную школу социологического градостроительства⁷²) сибирская историческая урбанистика должна выйти на широкие историко-сравнительные параллели и обобщения не только в рамках России, но и в плане моделей колонизируемых земель Нового и Старого Света.

В нашу задачу не входит дать полный очерк развития советской урбанистики, но, возвращаясь к третьему периоду, нельзя не сказать о некоторых тематических направлениях, которые стали особо заметны именно на этом отрезке времени. Интересные результаты достигнуты в разработке проблемы сибирского города как памятника архитектуры и культуры России XVII—XVIII вв.⁷³ Сегодня, думается, этот аспект чрезвычайно важен, и не только в сугубо историческом плане, но и в философском, и в социологическом. Проблемы городской культуры, городского образа жизни, «городского мышления» сейчас выдвигаются на первый план как модели интенсивного уровня социально-экономических изменений. И здесь обращение к истории очень актуально. В общерусской

урбанистике великолепным примером обращения к этой теме являются исследования М. Г. Рабиновича⁷⁴. В сибирской урбанистике можно назвать только одно подобное исследование⁷⁵. Кроме того, задачи создания Свода памятников истории и культуры Сибири требуют не только данных о конкретном социально-экономическом развитии сибирских городов, но и сведений о сибирском городе как памятниковедческим и культуроведческим образом.

На этом же этапе развития в сибирской урбанистике рождается как самостоятельное тематическое направление историографическое, которое существует в разных формах исследования. Тут и историографические экскурсии в конкретную разработку отдельных вопросов⁷⁶, и рассмотрение городских сюжетов в творчестве историков⁷⁷, и историографический анализ письменных источников о городах того или иного региона⁷⁸, и традиционные предисловия и введения к городоведческим сборникам, и очерки в сводных историографических работах. Нет возможности перечислить все работы подобного жанра, но об одной из них следует сказать особо — это историографический очерк О. Н. Вилкова⁷⁹, первое подобного рода обобщение в советской историографии. По количеству перечисленных имен исследователей, занимавшихся проблемами сибирского города XVII в., мало какое исследование может сравниться с этим. Автор рассматривает развитие сибирской урбанистики на фоне общерусской. Его задача — показать, что объединяет разных историков в поступательном развитии сибиреведения, как разные подходы формируют качественно новую ступень развития урбанистики. Однако в силу такого тематического подхода в изложении Вилкова получается, что точка зрения, например, В. И. Шункова о характере позднего феодализма в Сибири ничем не отличается от мнения А. А. Преображенского, хотя сам Вилков приводит материал, свидетельствующий об обратном.

Принципиально важны для российской исторической урбанистики статьи В. В. Кириллова⁸⁰ и Б. И. Миронова⁸¹. В первой автор рассматривает наследие отечественного градо-

строительного искусства, выделяет основные направления, диалектику их развития, старается представить процесс формирования концепции. Особенно привлекателен для автора данных строк призыв В. В. Кириллова о том, что «настало время, когда необходимо посмотреть на древнерусский город в широком культурном контексте того времени»⁸³. Однако с некоторыми частными авторскими положениями трудно согласиться. Так, Кириллов утверждает, что в дореволюционный период «отечественные исследования того времени сделали лишь первые шаги в осмыслении феномена древнерусского города...», «отрицательно сказывалась на методологии исследования древнерусского города обособленность исторической, археологической, философской и искусствоведческой науки». И далее: «Дореволюционный опыт при всех его заслугах был лишь приготовлением к той огромной изыскательской и исследовательской работе, которая развернулась в советское время»⁸³. Мне думается, что это несколько заниженная оценка дореволюционной историографии: советская историография также имела не только одни достижения, определенная «обособленность исторической, археологической, философской и искусствоведческой науки» — характерная черта не только дореволюционной историографии, но и советской, не изжитая по ряду вопросов и сегодня.

В плане широкого подхода к проблеме позднефеодального города весьма удачной выглядит работа Б. И. Миронова. Это во многом современная, если хотите «перестроечная», работа, ибо ее автор отказывается рассматривать возникновение и развитие города как проявление какой-то одной доминанты — торговли, промышленности или административной деятельности: «...вряд ли правильно переоценивать значение одних и недооценивать значение других функций городов»⁸⁴. И хотя в статье поднимаются в основном вопросы истории русского города XVIII — начала XIX в., основные положения автора, сформулированные им теоретические проблемы и подходы могут быть использованы и для изучения истории и историографии русского города XVII в. В сугубо историографи-

ческом плане ценность данной работы Б. И. Миронова заключается, как мне видится, в том, что автор учитывает многофакторность развития русского города, призывая прислушаться к дореволюционной историографии, имеющей свои подходы к изучению темы. В связи с этим весьма здраво звучит призыв к тому, что, «может быть, целесообразно признавать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они обитают в городе. Ведь только таким образом мы можем понять, что представляло собой городское поселение в ту или иную эпоху, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, городское хозяйство, каким был городской образ жизни»⁸⁴.

Во введении не ставилась задача дать полный обзор и анализ развития советской сибирской урбанистики, но автор считает, что данный очерк необходим для более глубокого понимания содержания книги.

развитием науки. Под воздействием этого складывался тот пока еще не очень многочисленный слой местной интеллигенции и чиновничества, который начал заниматься краеведческой работой в Сибири. Сибирская урбанистика этой эпохи представляла собой, по сути дела, «единый литературный текст». Индивидуальность концепций, источников и авторского мнения еще только пробивалась, существовала очень сложная взаимосвязь между опубликованными и рукописными сочинениями. Наряду с первыми рационалистическими представлениями на страницах книг и манускриптов продолжали гулять «бродячие сюжеты» — общие штампы и легендарные предания о времени поставления русских городов в Сибири.

Советская историческая урбанистика берет свое начало в первые годы Советской власти, еще до становления марксизма как единственного метода научного исследования. В своем развитии она проходит несколько периодов. Этот процесс, как показала Д. А. Ширина³, был длительным и не всегда сопровождался позитивными сдвигами в конкретной разработке исторических сюжетов. Одновременно с этим далеко не равномерно росла источниковая база сибирской урбанистики, повышался уровень ее историографического осмысления.

Первый период хронологически можно ограничить рамками 1920—1941 гг. Открывается он изданием в 1920 г. курса лекций по истории Сибири, который читался В. И. Огородниковым в Иркутском университете в 1918—1919 гг., на фоне бурных дней гражданской войны⁴. Завершается этот период изданием «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера в 1937—1941 гг. Есть и другие общие причины, заставляющие ограничить время предвоенной порою. Это прежде всего издание «Краткого курса ВКП(б)», ставшего своего рода катехизисом «новой веры» для целого поколения историков.

Трудности изучения первого периода сибирской исторической урбанистики заключаются, помимо всего прочего, в определенной узости источниковой базы. Д. А. Ширина, занимавшаяся изучением русского феодального города в советской исторической науке 1917 -- начала 1930-х гг., отмечает

бурный рост краеведческого движения, когда не только шел поиск новых теоретических положений, но и создавались конкретные исследования о русских городах⁵. Однако, как вспоминает Д. С. Лихачев, «у нас на рубеже 30-х гг. краеведение было объявлено буржуазной националистической наукой» и многие «краеведы были арестованы»⁶, а их работы изъяты из научного и общественного пользования. Естественно, что Сибирь постигла та же участь, что и другие регионы страны. Поэтому то, что мы знаем сейчас об урбанистике той поры, — лишь слабый слепок картины, которая тогда существовала. Работы по истории городов и населенных пунктов создавались в самых разнот, нередко глухих уголках Сибири, многое из этого уже утеряно и забыто⁷.

В первый период было создано немало интересных работ, которые остаются в багаже нашей науки до сих пор. Прежде всего это исследования, посвященные истории и географии крупных регионов Сибири -- Прибайкалью, Приенисейскому краю, Зауралью, Туруханскому и Красноярскому краям⁸. Наряду с этим создаются исторические исследования об отдельных городах - • Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Нерчинске, Братском остроге, Зашиверске, Красноярске, Нарыме, Мангазее и т. д.⁹ Профессиональный уровень этих работ различен: для большинства сочинений характерна относительная узость источниковой базы, покоящейся в основном на работах Г. ф. Миллера, П. А. Словцова и некоторых других дореволюционных исследователей. Вихрь гражданской войны, пронесшийся над страной, в определенном плане нарушил сложившиеся научные связи, привел к потере части архивных документов по истории XVII—XVIII вв. и значительно ограничил доступ краеведов к таким дореволюционным изданиям, как «Акты исторические...», «Дополнения к Актам историческим...» и др. Этот пробел исследователи в ряде случаев были вынуждены компенсировать обращением к местной устной или письменной исторической традиции в отношении прошлого своего края и города. И надо сказать, что подобная деятельность краеведов первого периода развития сибирской ур-

банистики до сих пор не потеряла своего научного и культуроведческого интереса. Исключением являются работы той поры С. В. Бахрушина, которые вводили в науку целый пласт новых, неизвестных документов Сибирского приказа. В краеведении остро ощущалась нехватка новых источников, и в этом плане издание работы Г. Ф. Миллера¹⁰ с расширенной публикацией архивных документов из его Портфелей надолго создало прочную базу для последующего развития сибирской урбанистики. Из других крупных документальных изданий следует назвать сборник документов по истории Якутии XVII в.¹¹ Расширение источниковой базы сибирской урбанистики происходило также за счет материалов и наблюдений отдельных исследователей, проводивших самостоятельные историко-археологические обследования¹². Нельзя не отметить и очерки о городах Сибири, помещенные в знаменитой «Сибирской советской энциклопедии» (М., 1929—1934). В краткой и сжатой форме они закрепили то понимание истории городов Сибири, которое сложилось в то время.

Теоретический уровень распространенных концепций о возникновении и развитии русских городов Сибири конца XVI—XVII в. был различен. Прежде всего тезис о колонизации как способе и форме присоединения Сибири к России никогда так громко не звучал, как в те годы. Господствовала идея о военном характере колонизации. Наиболее яркое воплощение она получила в работе С. В. Бахрушина «Казачи на Амуре». Известные в то время источники предоставляли обильный материал на эту тему. Поэтому и город рассматривался прежде всего в контексте военного продвижения в Сибирь — осады, пожары, походы казаков были одной из главных тем сибирской урбанистики. И в этом плане сибирский город действительно представлялся экономической «случайностью», носил «искусственный» характер. Не избежал влияния этих идей и С. В. Бахрушин. В теоретическом плане, как представляется, произошла определенная подмена понятий: здравая мысль об «искусственности» города для туземной жизни Сибири конца XVI в. была перенесена на социально-

экономические отношения и уровень развития самих русских переселенцев за Урал.

Однако частью исследователей, ярким представителем которых был опять же Бахрушин, колонизация Сибири и «стремительное продвижение русского населения на восток связывалось с оживлением товарно-денежного обращения в стране»¹³. Хотя Бахрушин не обходил молчанием тот факт, что первые русские города были созданы как военно-правительственные форпосты русской власти, тем не менее самое пристальное вним - «ие в духе теории «торгового капитализма» он уделит торговле, «которая занимала особо важное место в экономике городов Сибири». Другой заслугой историка следует считать то, что он «поставил вопрос о роли служилого населения в развитии хозяйства городов и уездов»¹⁴, и работы его «дают ценнейший материал для изучения сибирского служилого населения»¹⁵. Особенно блестящи, на мой взгляд, его исследования по истории Мангазеи. Именно в этих работах он показал, как происходило сращивание интересов служилых людей — основной части сибирских горожан — с торгово-промышленными кругами. Бахрушин был одним из первых, кто поставил вопрос о мирском городском самоуправлении в Сибири, тем самым значительно подорвав идею о сугубо военном, правительственном характере первых русских городов. Он также одним из первых поставил и удачно для того времени решил проблему изучения классовой борьбы в сибирских городах. Ярким обрисовав картину воеводских злоупотреблений, отметив классовый характер политики царской администрации в Сибири, он с такой же убедительностью - а в чем-то даже и большей — показал успешность и результативность некоторых конкретных выступлений городского населения против власти. Однако в конце рассматриваемого периода концепция С. В. Бахрушина была отодвинута в тень и стало господствовать другое направление. Наиболее близко по своей концепции к работе Бахрушина исследование А. П. Окладникова 1937 г.¹⁶, в котором автор описал историю основания ряда острогов Прибайкалья и Забайкалья.

Представители другого направления рассматривали сибирский город прежде всего как военно-политический центр по эксплуатации сибирского коренного и русского населения. Абсолютизируя ряд моментов, они всячески расписывали тезис об «искусственном» происхождении городов в Сибири, черпая аргументы в дореволюционных исследованиях П. М. Головачева, Н. М. Ядринцева и др. Апофеозом таких взглядов, даже по названию, является упомянутый выше сборник — «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» Во вступительной статье И. М. Троцкий наряду с рядом позитивных моментов отмечает, что «вольная колонизация оказалась совершенно опутанной феодальной и ростовщической кабалой», что «классовая борьба среди якутских колонизаторов, несмотря на частые вспышки, не принимала острого характера и интересна не столько по результатам, сколько по тенденции»¹⁸. Расписывая воеводские злоупотребления, корыстные интересы приказных и служилых людей и не показывая другую сторону процесса, часть историков тем самым почти полностью переносила порядки крепостнической России на сибирскую действительность XVII в. Так, например, один из первых исследователей народных восстаний конца XVII в. Ф. А. Кудрявцев считал, что «основные причины», вызвавшие восстания народных масс, «определялись всем социально-экономическим строем крепостнического государства, основанным на самовластии царя, помещиков, агентов этого государства в Сибири... и на бесправии, угнетении народных масс»¹⁹. Все это, естественно, сопровождалось ссылками на цитаты из «Краткого курса истории ВКП(б)». Подчеркиванием бесправия сибирского населения, его подавленностью государством, отказом рассматривать город как центр складывавшихся товарно-денежных отношений уничтожалась, на мой взгляд, сама идея альтернативности развития Сибири в XVII в., которая хотя и глухо, но все-таки звучала у С. В. Бахрушина.

Подводя итоги развития сибирской исторической урбанистики этого периода, можно сказать, что достаточно ярко был

показан сибирский город как военно-административный и политический центр эксплуатации русского и нерусского населения, отдельными фрагментами воссозданы история городского строительства и внешний облик городов, подчеркнута связь горожан с развитием товарного обращения. Однако совершенно неисследованными оставались проблемы города как аграрного центра своей округи, развития товарно-денежных отношений и вовлечения в этот процесс различных категорий городского населения.

Именно эти причины и вызвали появление трудов В. И. Шункова, который, не занимаясь специально историей сибирского города, тем не менее своей разработкой вопросов аграрной истории наметил начало второго периода сибирской урбанистики. Условно это 1946 г., когда вышла в свет его монография (затем появились и другие его работы²⁰). Окончание же периода, на мой взгляд, падает где-то на конец 1960-х гг. и связано с появлением в общерусской и сибирской историографии ряда общих и частных исследований, посвященных уже непосредственно проблеме генезиса позднефеодального города²¹.

В мою задачу не входит общая оценка творческого наследия В. И. Шункова, это уже сделано в ряде работ²². Подчеркну лишь главное для сибирской урбанистики — Шунков был в советской историографии первым (хотя сам и не задавался этой целью), кто с фактами в руках выделил проблему города как аграрного центра. Особенно наглядно это прозвучало в его очерке о географии земледелия и хлебных ценах. Без постановки и анализа данной проблемы невозможно всерьез говорить о генезисе сибирского города. Сегодня это аксиома сибирской исторической урбанистики, но тогда, безусловно, было новым подходом в истории. Диалектика взаимоотношения города и деревни, по мысли Шункова, состоит в том, что хотя вначале «возникновение городов и их география размещения определялись явлениями, не связанными или мало связанными с земледельческим освоением района», но со временем «необходимость в собственном хлебе вызвала постоянное